

Д. О. Чураков

УДК 17.022.:355.018

ВОЙНЫ ПАМЯТИ: ОТСТОЯТЬ ПРАВДУ ПОБЕДЫ

Эволюция общественного восприятия Победы в современной России

Отражение на страницах научной, публицистической и учебной литературы Великой Отечественной войны советского народа с фашистскими захватчиками с высоты сегодняшнего дня может восприниматься как своеобразный барометр состояния здоровья современного российского общества. После искусственного демонтажа СССР и его социально-политического устройства началась масштабная переоценка отечественной истории. Особенно активно переписывалась история XX века. Вне «зон критики», как это тогда называлось, не осталось ни единого периода советской истории. Ситуация в идеологической сфере и массовом сознании подтверждала известную истину: «историю пишут победители», в данном случае – победители в холодной войне и та часть отечественных историков, которая готова была прислушиваться к их мнению.

Осуществлялись настойчивые попытки сломать историко-нравственный код восприятия Великой Отечественной войны. В официальную идеологию и массовое сознание было имплантировано значительное количество чёрных мифов: о характере войны, масштабах потерь, ключевых моментах, цене Победы и т. д. Часть этих мифов была порождена ещё атмосферой «оттепели», а потом долгое время дозревала на «диссидентских кухнях». Другая часть была прямо позаимствована у зарубежных недоброжелателей

нашей страны, профессиональных мифотворцев: советологов, сотрудников спецслужб и т. д. Наконец, немалая часть новой разрушительной мифологии была вызвана к жизни ветрами «перестройки» и «лихих девяностых».

Изучение всей этой антинаучной мифологии – тема нескольких специальных исследований уровня докторских диссертаций и монографий. В нашем кратком предварительном анализе отметим лишь, что выплеснувшиеся на массовую аудиторию чёрные мифы о Великой Отечественной войне не были встречены так же безропотно, как мифы о революции, коллективизации, индустриализации или брежневской стабилизации. Казалось бы, полностью разрушенный «инстинкт национального самосохранения» в этом случае сработал. Началось сопротивление национальной памяти внешним и внутренним попыткам её перекроить. Уже в конце 1980-х гг. отчётливо проявилось нежелание значительной части народа верить «разоблачителям» и отказаться от правды о Великой Победе.

В чём причина устойчивого отторжения обществом чёрной мифологии именно о Великой Отечественной войне – тоже тема нескольких крупных самостоятельных исследований, причём не только историков, но и философов, политологов, психологов и учёных других специальностей. Тем не менее мы можем констатировать, что историческая память о Великой Отечественной войне оказалась крайне жизнеспособной. Если учесть, что официальная идеология, наоборот, поддерживала «новую точку зрения» на военное прошлое нашего народа, то станет ясным характер назревавшего на рубеже 80–90-х гг. прошлого века социального и культурно-психологического разлома.

Власти Российской Федерации так же, как и в других постсоветских республиках, пыталась создать новую (т. е. свою собственную) легитимацию через разрушение прежней. В других постсоветских республиках это выразилось в стремлении десоветизировать и

деруссифицировать национальные истории. Как ни парадоксально, в Российской Федерации создание новейшей легитимности носило те же черты – т. е. наблюдались последовательные попытки перечеркнуть не только всё советское, но и максимально уменьшить значение русского компонента в русской истории. Имелись и некоторые отличия. Так, в большинстве бывших союзных республик СССР деруссификация «новых историй» производилась не только посредством «вестернизации», но и с опорой на местный «доиндустриальный национализм». В Российской Федерации основой деруссификации становится исключительно подражание перед Западом, а также попытки привить русским чувство вины и стыда за свою историю.

Для осуществления далеко идущих целей матрица исторического сознания народа-победителя сознательно искажалась и уничтожалась. В ход шли все средства манипуляции сознанием, доступные на тот момент. Снимались «художественные» фильмы, переписывались учебники, «авторитетные» деятели (политики, публицисты, драматурги и даже профессиональные историки) выступали в средствах массовой информации с «разоблачениями». Так называемые «белые пятна» в истории заполнялись чёрными красками. Традиции отмечать праздники воинской славы отбрасывались. Это касалось не только 23 февраля, но даже самого Дня Победы. В первой половине 1990-х гг. власть фактически дистанцировалась от празднования 9 мая. Его отмечали в основном сами ветераны, а также партии народно-патриотической и коммунистической оппозиции.

Дело доходило до совсем уж неприглядных проявлений исторической амнезии. На место бережного и уважительного отношения к ветеранам приходили сарказм и пренебрежение. Нищим старикам, вынужденным продавать свои боевые награды, противопоставлялись «деловые» и «успешные» «новые русские». Победителей называли лузерами, им противопоставлялись так называемые

«винеры» (от английского «winner»). Памятники героям Великой Отечественной войны приходили в запустение, осквернялись и разрушались.

Апофеозом «нового отношения» к историческому наследию Великой Отечественной войны становится попытка в 1995 г. в день 50-летнего юбилея Победы девальвировать Красную площадь как точку сосредоточения мемориальных торжеств. Парад Победы в тот год проходил не перед трибунами Мавзолея, как это было прежде, а на Поклонной горе. На Красной площади была проведена лишь историческая часть парада: солдаты в форме образца 1945 г., ветераны, а также суворовцы и нахимовцы. Проведение двух парадов в рамках одного праздничного ритуала воочию демонстрировало разрыв исторического пространства.

Вместе с тем празднование 50-летия Победы становится переломным моментом в отношении к Великой Отечественной войне. Постсоветская государственная власть, не имея реальных достижений в экономической и социальной сферах, сталкиваясь с растущим массовым протестом и трудовыми конфликтами, остро нуждалась в точках соприкосновения с обществом. Нужны были символы единства общества. И таким символом самым что ни на есть естественным образом становится Победа в Великой Отечественной войне. Одним из официальных символов Российской Федерации становится так называемое Знамя Победы – Красное полотнище, водружённое 1 мая на крыше здания Рейхстага в Берлине. Начинает меняться тон прессы и кинематографа, а также публичных заявлений политиков. В издательствах на рубеже XX–XXI вв. начинают пробиваться книги, не попадающие в прежний анти-исторический «мейнстрим», а, наоборот, отражающие правду о Великой Отечественной войне.

К рубежу XX–XXI вв. тенденция распространяется на некоторые учебники истории. Первым учебником в современной Российской Федерации, написанным не в либераль-

ной, а патриотической, государственнической парадигме, являлся учебник Новейшей отечественной истории под редакцией А. Ф. Киселёва и Э. М. Щагина [1]. Авторский коллектив учебника исходил из принципа, согласно которому показать действительное лицо войны является не только актуальной научной задачей, но и нравственным долгом российских историков. Без ставших в те годы уже привычными всевозможных спекуляций, авторы учебника показали, что на первом месте при изучении Великой Отечественной войны должны быть героизм народа, его способность и готовность отстаивать свои исторические ценности.

Следующим после 50-летия Победы важным рубежом в развитии общественного восприятия Великой Отечественной войны становится период с 2003 по 2005 годы. Это было связано с двумя юбилейными датами. Помимо отмечавшегося в 2005 году 60-летия со дня Победы над фашизмом, важную роль сыграла годовщина со дня смерти лидера СССР в годы войны И. В. Сталина. Подвергая критике тёмные и преступные стороны советской действительности сталинского времени, многие авторы прежде вполне осознанно смещали центр тяжести с вождя на страну, народ и на одержанную этим народом Победу. Такой подход был очень далёк от построения взвешенной, академической картины военного прошлого, но творцов чёрной мифологии это не волновало. В полемическом запале они взвинчивали накал полемики по исторической проблематике. Поэтому многие работы, авторы которых отказывались от очернения Сталина, тоже носили полемический, нежели научный характер. Но постепенно бережное отношение к истории войны распространилось и на собственно научные круги.

Ощутимо менялся на позитивный взгляд не только на самого Сталина, но и на эпоху, связанную в народном сознании с его именем. Особенно стремительно перемены происходят в работах, посвящённых Великой

Отечественной войне. Это вполне объяснимо, ведь для большинства советских людей имя Сталина было неразрывно связано с одержанной нашим народом в 1945 году Победой над фашизмом. Соответствующих исследований массовой психологии советского человека не проводилось, но косвенные свидетельства доказывают, что и после XX съезда КПСС это восприятие сохранялось [2; 3; 4]. Поэтому не удивительно, что теперь, уже в независимой Российской Федерации авторы, пытавшиеся вернуть Сталина в отечественную историю, в первую очередь обращались к военному опыту.

Своеобразным Рубиконом в этом повороте можно считать появление книги писателя В. В. Карпова «Генералиссимус» [5]. Её тираж изготовлялся не в столице, а в удалённом Калининграде. Однако вскоре вся Москва была наполнена экземплярами этой книги. Другое дело, что правда в двухтомнике была щедро разбавлена домыслами. Но имидж Карпова как писателя-фронтовика заставлял людей верить ему, заставлял надеяться в то, что ветеран Великой Отечественной не станет лгать о своём генералиссимусе.

Вскоре с альтернативной точкой зрения начали тиражироваться не только отдельные книги, но и целые книжные серии. Можно вспомнить серию, которая так и называлась – «50 лет без вождя. Сталиниана». Далее стали выходить серии «Эпоха Сталина», «Сталина великая эпоха», «Сталинский ренессанс» и другие. Помимо чисто публицистических, в этих сериях выходили также серьёзные исследования. В них были представлены книги историков, чья научная репутация ни у кого не вызывает сомнений. Среди них можно назвать В. Неvejeва, Ю. Емельянова, К. Романенко и других [4; 6; 7]. Часть публикаций была посвящена разоблачению чёрных мифов о Великой Отечественной войне.

Наконец, чрезвычайно важным в эволюции общественного мнения в Российской Федерации становится 2008 г. Для многих

это утверждение может прозвучать неожиданно, поскольку никаких круглых дат в том году не отмечалось. Единственное важное исключение – юбилей победы на Курской дуге. Но в России ежегодно проводятся памятные мероприятия, посвящённые различным событиям нашего коллективного героического прошлого, поэтому сами по себе праздничные мероприятия резко не повлияли на рост патриотических настроений.

Важные изменения в общественном климате были на этот раз связаны с событиями не прошлого, а современности, что само по себе для новой Российской Федерации было важно. В тот год впервые в современной отечественной истории российские граждане подверглись широкомасштабной внешней агрессии. Это произошло в результате нападения 8 августа 2008 года режима М. Саакашвили на Южную Осетию. Результатом развязанного М. Саакашвили вооружённого противостояния стала гибель российских миротворцев и мирных российских граждан, поскольку многие жители Южной Осетии к тому времени уже приняли российское гражданство [8].

До этого скептическое отношение к Великой Отечественной войне подпитывалось убеждённой уверенностью, что после падения коммунизма в СССР у Российской Федерации за рубежом противников нет, что в новую эпоху международных отношений любые конфликты могут решаться только мирными средствами при уважении к букве международного права, что, наконец, Запад считает Россию равноправным партнёром и готов к тесному сотрудничеству с ней по любым вопросам. Действия Саакашвили и его западных покровителей серьёзно поколебали иллюзии подобного рода. Подвиг российских военных в Южной Осетии оживил подавляемую долгие годы историческую память народа, заставил бережнее относиться к победам и достижениям прежних лет.

Итак, мы видим, что общественное восприятие Великой Отечественной войны в современном Российском обществе проделало сложную эволюцию.

На первом этапе, в начале «лихих девяностых», когда у власти оказались либералы-западники, на общество оказывалось растущее пропагандистское давление. Целью являлось не просто переписать историю СССР вообще и Великой Отечественной войны в частности, а полностью разрушить историческую память народов Российской Федерации, заменить её фальшивками и суррогатами. Именно в этот период общественное сознание оказалось наиболее сильно отягощено чёрной антиисторической мифологией о Великой Отечественной войне. У наших геостратегических противников существовало чёткое понимание, что окончательное разрушение самой России без разрушения исторической памяти невозможно. Сохранение исторической памяти русским народом означало для них угрозу возрождения в будущем и самой России. Всё это могло поставить под вопрос недавние успехи Запада в Холодной войне.

На втором этапе эти опасения начали подтверждаться. Различные слои российского общества, прежде всего ветераны и национальная интеллигенция, отказались подчиняться пропагандистскому давлению. Результатом стало отступление власти, смягчение идеологического пресса, изменение общего тона при освещении Великой Отечественной войны.

Наконец, на третьем этапе Восьмидневная война на Кавказе привела к тому, что официальная идеология сменила направленность. Некритическое следование в фарватере Запада уже отторгалось большинством россиян, поэтому официальные лица стали шире использовать патриотическую риторику. Поворот к патриотизму давался и российскому общественному мнению, и власти не просто. Он растянулся во времени. Далеко не сразу стали очевидны его позитивные плоды. Потребовался не один год на то, чтобы от отдельных деклараций государство перешло к открытой пропаганде патриотических ценностей, начало называть вещи своими именами.

Завершение поворота, будем надеяться – окончательного, к патриотическому и правдивому восприятию прошлого связано с воссоединением Крыма с Российской Федерацией, так называемой Русской Весной. Не случайно в официальном информационном поле нашей страны всё настойчивей стали призывы защитить правду историю, бороться с чёрными мифами, отстоять правду победы. Конечно, и это следует не только понимать, но и учитывать, от красивых деклараций до их реального воплощения, говоря словами классика, «дистанция огромного размера».

Чёрное мифотворчество как элемент войн памяти

В последние годы в Российской Федерации многое было сделано для развенчания чёрных мифов о Великой Отечественной войне. Знаковым событием здесь можно считать появление на одном из центральных телеканалов документального фильма Константина Сёмина и Олега Сергеева «Биохимия предательства», в котором чётко были указаны деятели «пятой колонны» как в годы Великой Отечественной войны, так и в наши дни. Выходили и другие документальные и художественные ленты с чётким патриотическим звучанием, без набившего оскомину очернения отдельных аспектов военного прошлого.

Своё веское слово сказали также популярные журналы, научные центры и книжные издательства. С объективной научной информацией выступали многие профессиональные авторы, а также историки-«любители», многие из которых, впрочем, доказали своё право считаться профессионалами. Любопытно отметить такое явление, как публикация целых книг и даже многотомников, специально посвящённых разоблачению фальсификаторов истории. Часто эта общая нацеленность книг отражалась уже в самих их названиях [9; 10; 11].

Первые подобные монографии, вскрывающие порочность и несостоятельность коричневого интернационала чёрных миротворцев, появились ещё в начале нынешнего

века [12]. А в наши дни разоблачение чёрных мифов стало чуть ли не самостоятельным жанром исторической публицистики, которого не чужаются такие известные деятели, как Н. А. Нарочницкая – бывший депутат Государственной Думы РФ, а теперь – руководитель Европейского Института демократии и сотрудничества в Париже [13]. Здесь же следует сказать и о нынешнем министре культуры РФ В. Р. Мединском. Он также выступил с книгой, в которой разоблачаются наиболее одиозные мифы о Великой Отечественной войне [14].

Вместе с тем, благодушие в идеологической сфере, свойственное нашим людям ещё в брежневские времена, никуда не исчезло и после сокрушительных неудач в Холодной войне. В наши дни это проявляется, помимо прочего, в том, что многие, даже понимающие разрушительное воздействие чёрных мифов на историческую память и общественное сознание, относятся к ним как к изолированным проявлениям человеческой глупости, не осознают системного характера данного явления.

С подобного рода заблуждениями необходимо расстаться. Чёрные мифы во все времена были проявлением вовсе не стихийных процессов в умственной сфере. В наши дни они являются своего рода «наступательным оружием» в так называемых «войнах памяти». Этим термином в научной литературе и публицистике называют неприглядное явление, которое вот уже примерно четверть века разворачивается на советском, а потом и на постсоветском пространстве [15].

«Войны памяти» – это особый компонент или даже особая форма идеологической войны. Именно так к этому явлению и следует относиться, делая его объектом научного анализа. В этом плане Великая Отечественная война – очень «удачный» объект для всякого рода фальсификаторов: в результате искажения отдельных её страниц наносятся удары как по советской, так и по национальной составляющей отечественной истории. В одном, по необходимости коротком, обзоре невозможно охватить хотя бы самые важные

из чёрных мифов о войне. Остановимся лишь на некоторых из них, чтобы понять общее направление ударов по коням нашей исторической памяти.

И первое место среди этих мифов, искажающих нашу историю, без сомнения, должно быть отведено утверждениям, что та война, которая обрушилась на наш народ, не являлась ни Великой, ни Отечественной. В Крыму и в Севастополе учителя истории хорошо знакомы с подобного рода отношением к прошлому. Ещё год назад занятия в школах и вузах Крыма и Севастополя велись по украинским учебникам истории. Во многих из них не было разделов о Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Украинские учебники события 1941–1945 гг. на советско-германском фронте изображают иначе – лишь как один из эпизодов Второй мировой войны.

Но, как чудовищно это не прозвучит, такой же подход мы найдём и в работах российских историков. Некоторые из них столь же ревностно отрицают, что война была для нас и Великой, и Отечественной. Так, в столице нашей страны, городе-герое Москве в 2008 г. вышла книга Б. С. Пушкарёва «Две России XX века. 1917–1993». В её создании участвовали ещё несколько московских авторов. Как же авторский коллектив книги пишет о Великой Отечественной войне? Да никак. Это понятие ему полностью чуждо. Авторы признают только Вторую мировую войну. Соответственно Великая Победа советская народа для них тоже не существует. В соответствующем месте скороговоркой приводится лишь перечень событий, который выглядит так: «1 мая красное знамя развевается над Рейхстагом, 2 мая городской гарнизон капитулирует, 134 тыс. немцев сдаются в плен. Цена этого финала: не менее 90 тыс. убитых и 330 тыс. раненых советских воинов. Поздно вечером 8 мая Германия подписывает безоговорочную капитуляцию. В Москве уже 9 мая» [16, с. 266]. И всё. Обратите внимание – нет самого понятия

Победы, вместо Победы употребляется пренебрежительное «финал». Но даже это уничижительное словечко употребляется не к Победе в Великой Отечественной войне, а лишь к операции по штурму Берлина. О Победе в Великой Отечественной войне авторы и не могут ничего сказать – ведь не было не только Победы, и самой Великой Отечественной войны для них тоже не было.

Чтобы глубже понять направленность книги Пушкарёва следует добавить несколько слов о самом руководителе проекта. С 1944 г. он сотрудничает с так называемым Народно-Трудовым Союзом – организацией, активно сотрудничавшей сперва с германскими фашистами и генералом Власовым, а затем – с ЦРУ. Поэтому трудно удивляться, что книга «Две России XX века. 1917–1993» не только отрицает Отечественный характер войны с прежними фашистскими покровителями НТС, но и пестрит другими чёрными мифами о Великой Отечественной.

Ещё большее возмущение значительной части общественности и научных кругов Российской Федерации вызвало появление в канун 65-летнего юбилея Великой Отечественной войны ещё одного сквозного труда по истории нашей страны, речь идёт о книге «История России XX век: 1939–2007», вышедшей под редакцией профессора МГИМО А. Б. Зубова [17]. Того самого Зубова, который назвал воссоединение Крыма с Россией аншлюсом без кавычек и потребовал отказаться от претензий на полуостров, умалчивая при этом о крымском референдуме 16 марта 2014 г. [18].

Зубов, в отличие от своего единомышленника Пушкарёва, выделяет период 1941–1945 гг. в отдельную структурную единицу книги. Но идёт он существенно дальше Пушкарёва, объявляя этот период не Великой Отечественной, а «советско-нацистской» войной. То есть для него события 1941–1945 гг. – это всего лишь столкновение двух идеологий. В основе концепции Зубова заложено отношение к Великой Отечественной войне как к битве двух диктатур. Обе эти

диктатуры, согласно Зубову, враждебны русскому народу. Словом, его книга переносит нас в то же самое зазеркалье, что и работы современных украинских историков-неофашистов.

Второй ударный миф, которым стремятся переформатировать национальную память, нацелен, не больше – не меньше, на то, чтобы переложить ответственность за развязывание войны на нашу страну. По сути, если называть вещи своими именами, речь идёт о ползучей реабилитации фашизма. Поскольку общественное мнение ни в России, ни в мире ещё не готово назвать единственным виновником войны СССР, в дело идёт лживая теория «равной ответственности» «двух тоталитарных режимов».

Сегодня именно попытки уравнивать степень ответственности СССР и Германии за развязывание войны наиболее характерны для «войн памяти» против нашего народа. Но и в таком, усечённом виде перед нами всё та же самая тенденция реабилитации коллективным Западом своего нацистского прошлого. И можно не сомневаться, что, как только общественное мнение свыкнется с навязываемой фальшивой схемой, начнётся следующая этап. И уже в рамках грядущего этапа «войн памяти» фашистский режим будет реабилитирован окончательно, а единственным инициатором II Мировой войны будет назван СССР.

Одной из наиболее вопиющих и провокационных попыток переписать историю на высшем европейском уровне были шаги евро-парламентариев, предпринятые в год 70-летия начала II Мировой войны. Так, 3 июля 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «О воссоединении разделённой Европы». Она была приурочена к юбилею начала Второй Мировой войны и подписания «пакта Риббентропа – Молотова» – так западные фальсификаторы называют «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом» от 23 августа 1939 года.

В своей резолюции евро-парламентарии прямо провозглашали равную ответствен-

ность СССР и Третьего Рейха за развязывание войны. Реакция Российских властей была принципиальной и оперативной. Уже через несколько дней, 7 июля 2009 г., Госдума и Совет Федерации гневно осудили провокаторов, тем самым подтвердив принципиальный курс на недопущение использования исторической лжи в международных отношениях.

Как сообщала в те дни пресса, «в ответ российские парламентарии обвинили европейских коллег в «оскорблении памяти миллионов павших в боях за освобождение Европы», «попытках очернить победителей и реабилитировать преступников и их пособников», а также в «прямой ревизии духа и буквы Нюрнбергских соглашений» и «попытке пересмотра итогов Второй мировой войны». Как справедливо писали отдельные журналисты, наша история является элементом нашего суверенитета. А исторический суверенитет нуждается в защите так же, как и любой другой элемент национального суверенитета [19, с. 16].

В новейшей историографии тезис о равной или даже преобладающей ответственности СССР за войну отразился в позиции советского офицера-перебежчика Резуна. В своих первых книгах, написанных в сотрудничестве с британской разведкой, он развивал миф о подготовке Сталиным первого удара против Германии. Тем самым получалось, что Гитлер был вынужден действовать на опережение, чтобы не допустить распространения сталинского режима в Европе. Выступления Резуна всколыхнули общественное мнение в Российской Федерации. У нас появились не только его противники, но и последователи.

Пolemика вокруг книг Резуна началась уже в середине 90 гг. прошлого века [20]. Но в силу давления официальной идеологии, либеральной и западнической, профессиональным историкам было трудно противопоставить Резуну что-то, помимо кратких критических замечаний на его отдельные неточности и фальшивки.

Необходимо было нечто большее. А именно требовалось предложить отличную от прежней советской, но альтернативную Резуну развёрнутую концепцию начала Великой Отечественной войны. Одним из первых, кто осмелился на такой масштабный замысел, был израильский учёный Габриэль Городецкий, длительное время работавший в Оксфорде, а позже – в Центре изучения России и Восточной Европы Тель-Авивского Университета. Его книга, вышедшая на русском языке, была посвящена разоблачению сочинений Резуна.

Городецкий показал, что точка зрения Резуна не нова, что Резун имеет много предшественников и ещё до появления его сочинений, чёрный миф о подготовке СССР превентивного удара зазвучал в работах некоторых германских авторов. Например, историк Нольде утверждал, что жестокость Гитлера была вызвана страхом перед Сталиным и жидо-большевистской империей СССР. Профессор Хильгрубер, один из ведущих немецких специалистов в области истории, неожиданно заговорил об угрозе, которую СССР представлял в 1941 г. для Германии. Ещё один немец, Хофман, заявлял об исходившей от Советского Союза стратегической угрозе, которая не могла не убедить Гитлера, что июнь 1941 г. – последняя возможность для начала превентивной войны. Австрийский профессор Топич в своей работе «Война Сталина» писал о том, что, увлечшись показам агрессивности Гитлера, западная наука просмотрела истинного преступника – Сталина. Топич утверждал, что Вторая мировая «была по сути дела нападением Советского Союза на западные демократии, а Германии <...> отводилась лишь роль военного заместителя» [21, с. 8, 11–12].

Фактически вся концептуальная база Резуна и поддерживающих его германских и польских историков, а также некоторых российских публицистов, почерпнута из выступления Гитлера перед своим генералитетом 22 июня 1941 года, в которой тот заявил, что «теперь наступил момент, когда выжида-

тельная политика является не только грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, а следовательно, и всей Европы» [21, с. 216–231].

Одним из инструментов, при помощи которого на Советский Союз перекалывается вина за развязывание войны, является букет инсинуаций вокруг договоров 1939 г. между СССР и Германией. Особенно бойко используются для этого так называемые секретные протоколы. Любопытно, что впервые сами секретные протоколы были опубликованы в сборнике, специально подготовленном госдепом США. Произошло это в 1948 году, т. е. в период начала Холодной войны против СССР. Тогда ястребы на Западе особенно остро нуждались в любых средствах для очернения образа нашей страны в глазах своих обывателей – слишком велик был авторитет СССР как страны-победителя, чтобы без всяких оснований объявить его врагом свободного мира.

Используя мифологию секретных протоколов в период горбачёвской «перестройки» противники СССР наносили сокрушительные удары по его целостности. В частности, этим занималась так называемая комиссия А. Н. Яковлевна [22, с. 216–231]. Используя озвученные ею версии событий 1939 г., о выходе из СССР заговорили в Прибалтике и Молдавии. Тяжкие обвинения стали выдвигаться Польшей и другими странами.

Не сразу, но в российском обществе возник вопрос о подлинности протоколов. Ситуация вокруг них до сих пор, т. е. на протяжении уже четверти века, так и не прояснена. Например, сотрудник КГБ СССР В. А. Сидак, проработавший немало в главных архивах страны, обратил внимание на то, что общественность так и не увидела подлинников этих самых протоколов. Он доказывает: то, что выдают за фотокопии с исчезнувших протоколов, является фальшивкой. Сидак указал на грубые ошибки в приводимых текстах, в том числе даже грамматические [23, с. 231].

Различные исследователи приводят и другие соображения, ставящие под сомнение

подлинность протоколов [24]. Видимо, дискуссия по советско-германским отношениям в предвоенные годы ещё не окончена. Она, безусловно, должна протекать в спокойной, академической манере. Но, похоже, в условиях войн памяти, дожидаться благоприятных условий для серьёзного научного анализа будет сложно.

Наконец, ещё один, третий антиисторический миф, который следует отнести к наиболее разрушительным, подвергает сомнению морально-политическое единство советского общества в годы Великой Отечественной войны. Говорится об отсутствии единства между фронтом и тылом, между большинством советских народов, между различными слоями советского общества, между коммунистами и беспартийными, офицерами и рядовыми и т. д. Квинтэссенцией этого мифа стало противопоставление советского народа и советского политического режима.

Так, ещё на заре современной эпохи, в годы горбачёвской «перестройки» в «Комсомольской правде», в канун светлого юбилея 45-летия нашей Победы, появился провокационный, иначе и не скажешь, материал. В нём, спекулируя на отдельных фактах недовольства части населения СССР, делалась попытка доказать, что в годы войны народ и режим, дескать, преследовали разные цели. Народ стремился освободить страну, а Сталин – сохранить свою систему тирании. Само название публикации («Украденная победа»), не говоря о её содержании, возмутило и оскорбило подавляющее большинство ветеранов [25].

Со времён перестройки и «лихих девяностых» многое изменилось, патриотизм уже публично не называют «последним прибежищем негодяев». Но даже два десятилетия спустя, когда несостоятельность этого мифа и всех его компонентов была полностью доказана, один из его приверженцев, историк Г. Бордюгов, продолжает настаивать на своём. Смысл его утверждений сводился к тому, «что в войне действовали две переплетающиеся, но разнородные силы: народ и

система, олицетворяемая сталинским режимом» [26, с. 208].

«Если сила народная освобождала, – настаивает он, – то сила системная, идущая вослед, тотчас заключала освобождённых в свои стальные объятия. Так и Победа была перехвачена на финальном этапе» [26, с. 209]. От этого утверждения оставался только один шаг к утверждениям, что победа была одержана «не благодаря, а вопреки» советскому режиму, что советская система рухнула или хотя бы зашаталась при первых же ударах фашистов, что она продемонстрировала свою неэффективность уже в самом начале войны и т. д. [27; 28; 29].

«Войны памяти» и учебник истории на постсоветском пространстве

Одним из стратегических рубежей, за который ведутся современные «войны памяти», является учебник истории. Он стал одной из жертв нынешнего поколения технологий психологической войны, а вместе с этим – одним из самых варварских видов оружия, нацеленного на массовое разрушение умов.

Прежний советский учебник истории нёс в себе сильное консолидирующее начало. Он помогал осознать сопричастность каждого человека общему историческому прошлому, формировал гордость за страну. Конечно, такое положение вещей не могло устроить разного рода фальсификаторов. Отсюда тот накал ударов по нашему прошлому, который мы можем наблюдать в современных учебниках.

Как показали результаты масштабного проекта, проведённого несколько лет назад российскими историками, во всех постсоветских республиках, за исключением Белоруссии, Армении и ПМР [30], преподавание истории ведётся с грубыми искажениями исторической правды. Учебники истории бывших союзных республик СССР часто содержат опасные исторические мифы, в том числе мифы, формирующие у их молодых граждан национальную замкнутость, ксенофобию и узость мышления.

Легко понять, какими красками в националистических учебниках расцвечен советский период. Особенно горько, что в бывших союзных республиках главным объектом фальсификаций является Великая Отечественная война. Результат таких игр с прошлым предсказуем [31]. Порывая с той исторической альтернативой в войне, которую заключал в себе СССР, современные фальсификаторы, вольно или не вольно, открывают дорогу возрождению фашистской идеологии во всех её проявлениях. В том числе происходит реабилитация местных фашистских и коллаборационистских движений, существовавших в бывших союзных республиках СССР.

Одним из примеров отмеченной тенденции является ситуация в Прибалтике, в частности в Латвии. Так, учебник латышской истории, выпущенный в год 60-летия Великой Победы, призван не рассказать молодым латышам правду истории, а вложить в их головы совершенно ложные представления о ней. Учебник полностью снимает моральную ответственность за военные преступления даже с ветеранов войск СС, видя в них невинных жертв войны. «Принадлежность латышских военных формирований к СС была формальной – это не был выбор самих латышей» – заявляют авторы учебника. И это при том, что формирование латышского легиона СС носило преимущественно добровольный характер. Главным виновником преступлений латышских эсесовцев в учебнике называют... Советский Союз! [32, с. 278]

По схожим рецептам создаются исторические мифы и на Украине. Отсюда открывается прямой путь к возвеличиванию нацистских прислужников, например, С. Бандеры. Соответствующие пассажи, в частности, содержатся в учебнике для 11 класса, изданном в начале нынешнего века [33]. На Украине менялись президенты, но положение дел в преподавании истории только усугублялось. Так, и в учебнике, вышедшем в период правления В. Ф. Януковича, оценка коллаборационистов не претерпела никаких серьезных изменений.

В частности, в одном относительно недавнем учебнике истории профильного уровня для 11 класса по истории XX века о Бандере вновь пишут как о герое борьбы «за независимость». Утверждается, что свои планы он воплощал в жизнь не по указке из Берлина, а «спираючись переважно на сили й можливості українського народу» [34, с. 37]. Но и этого мало. Там, где факт коллаборационизма отрицать невозможно, автор учебника Ф. Г. Турченко затушёвывает моральную ответственность сотрудничавших с оккупантами лиц. «Колаборація людей перетворювалася у спосіб виживання в жорстоких умовах окупації, – поясняє він, – али інколи означало смерть інших людей» [34, с. 32].

При этом освобождение Украины от фашистов автор называет восстановлением сталинского тоталитарного режима «з його звичайним пошуком ворогів». По его словам: «Підозра в співробітництві з гітлерівцями (колаборації) автоматично падала на всіх, хто пережив окупацію... Це тавро перетворювало мільйони жителів окупованих територій на неповноправних громадян... Але ніде це поняття не тлумачилося так широко, як у РСР» [34, с. 44–45].

Даже ветераны дивизии СС «Галичина» не получают у Турченко моральной оценки. Ничего не сообщается о совершённых ими преступлениях. Просто отмечается факт создания дивизии и её участия в боях с РККА. Зато много и с осуждением пишется о преследовании в Западной Украине бандитов и гитлеровских приспешников [34, с. 58]. Тем самым факты предательства ставятся под сомнения, а борьба с предателями порицается.

Более того, несмотря на слова Д. Табачника, занимавшего в 2010 году пост министра образования Украины, о необходимости отказа от базового мифа сепаратистов о «третьей силе» и возвращения в учебники украинской истории понятия Великая Отечественная война, при прежней власти позитивные тенденции так и не смогли пробить себе дорогу. В анализируемом учебнике раз-

дел о Великой Отечественной войне носит название «Україна в роки другої світової війни». Стоит ли удивляться тому, что в наши дни творится на Украине поколениями, выросшими на таких учебниках?

Парадоксальным образом сказались последствия «войн памяти» в такой бывшей советской республике, как Молдавия. Если в Приднестровье, где события на берегах Днестра, по словам историка из Тирасполя И. М. Благодатских, рассматриваются в контексте общего подвига народов СССР [35, с. 280], то совсем иначе дело обстоит в Республике Молдова. Русофобия кишинёвской верхушки привела не к всплеску национального самосознания, а к его полной утрате. Вместо национальной гордости с конца 80-х годов XX века в республике пропагандируется концепция «двух Румыний».

Ещё при Горбачёве, который потворствовал местным сепаратистам открыто, кишинёвские радикалы запретили преподавания курса Истории СССР и курса Истории Молдавской ССР. Вместо них в начале 90-х годов прошлого века был введён курс «История Румынии». Как отмечает известный далеко за пределами своей республики приднестровский учёный Н. В. Бабилунга, в нём тезис о принадлежности молдаван к единой румынской нации был принят как аксиома, без всяких доказательств [36, с. 68].

В основу идеологии новой молдавской государственности положен миф о «пакте Молотова – Риббентропа». Договор между СССР и Германией от 23 августа 1939 года о ненападении трактуется как сговор двух диктаторов. Освобождение МССР от фашистов – как новая оккупация Бессарабии. Российско-приднестровский историк О. В. Гукаленко, проделав анализ учебных текстов, призванных раскрыть молдавским школьникам историю их края в годы Великой Отечественной войны, пришла к выводу, что они просто вычёркивают эту страницу из национальной памяти молдаван.

Вот как подаются события войны в учебнике для 4 класса: «Гитлер, правитель Герма-

нии, и Сталин, который правил СССР, договорились поделить чужие территории и государства. В результате этого началась Вторая мировая война... Вначале Румыния участвовала в этой войне против СССР, желая освободить Бессарабию и Буковину, аннексированные большевиками в 1940 г. В августе 1944 г. стало ясно, что Германия проигрывает войну. Румыния включилась в борьбу против нацистской Германии. Румынские войска совместно с силами союзников воевали против фашистов и дошли до Германии». «Вот и всё, – восклицает Гукаленко, – что должен знать молдавский школьник о величайшей в истории человечества войне. Из этого текста никто не поймёт даже, на чьей стороне воевали молдаване в период Великой Отечественной войны, ... ведь так и задумано [37, с. 215].

Что же смогли противопоставить фальсификаторам в условиях «войн памяти» российские учёные? Увы! Сообщество историков России оказалось расколото. Расколото настолько, что временами о каком-либо «сообществе» приходится писать только в кавычках. Потеряв нравственные ориентиры, часть российских авторов учебной литературы своей книжной продукцией участвует в пропаганде чёрных мифов о нашей стране.

Чёрные мифы в российских учебниках: на примере освещения начального периода войны

Ослабление идеологических скреп сопровождалось в Российской Федерации полным самоустранением государства из процесса преподавания истории. Формирование новых веяний в преподавании этого ключевого предмета школьной программы по существу отдавалось на откуп либеральной интеллигенции. Не ограничиваясь ударами по общественному мнению публикациями в «Аргументах и фактах», «Московских новостях», «Огоньке» и других подобных изданиях, в конце 80-х гг. XX в. радикалы формируют социальный заказ на новый учебник истории. Целью этого учебника должно было

стать целенаправленное уничтожение у молодого поколения гордости за свою Державу, история которой теперь представлялась цепью ошибок и преступлений.

Социальный заказ был сформулирован – нашлись и его исполнители. Ещё до насильственного упразднения единого союзного государства начинает выходить учебная литература, ускорявшая процессы его разрушения под видом возвращения к общечеловеческим ценностям. Так, уже в 1989 году под шапкой Московского городского комитета по народному образованию тиражом в 20 тыс. экземпляров выходят «Материалы к изучению истории СССР» для 9 класса. Хронологически это пособие доходило до начального периода II Мировой войны. Автором пособия являлся тогда мало кому известный И. И. Долуцкий.

Чтобы придать дополнительный вес и авторитет изданию, его снабдили послесловием двух историков, уже зарекомендовавших себя в качестве «прорабов перестройки» – Л. А. Гордона и Э. В. Клопова. Авторы послесловия утверждали, что «уже в своём нынешнем состоянии материалы И. Долуцкого решительно превосходят соответствующие разделы действующего учебника» [38, с. 245]. В действительности пособие (которое, видимо, задумывалось, в качестве пробного альтернативного учебника) не выдерживало никакой критики, переполнено неточностями и чёрной мифологией о войне.

Так, Долуцкий противопоставлял во внешней политике «линию Сталина» и «линию Литвинова». Если Литвинов, дескать, ориентировался на союз с передовыми демократическими странами, стремился к созданию системы коллективной безопасности, то Сталин, согласно домыслам Долуцкого, никогда не видел в гитлеризме особой угрозы для СССР, всегда готов был заключить союз с Гитлером. Остриё этого союза, естественно, должно было быть направлено против демократических государств. В силу этого вину за развязывание II Мировой войны автор был готов разделить между двумя режимами:

сталинским и нацистским. В частности Долуцкий перекладывает на СССР вину за срыв англо-франко-советских переговоров летом 1939 года. Именно в этом автор видит победу сталинской линии над линией Литвинова во внешней политике Советского Союза.

Разумеется, Долуцкий оценивает советско-германские договорённости как негативные. Его возмущает сам факт, что второй документ был назван договором «О дружбе и границах». По сути, в этих соглашениях он видит причину Мировой войны. И дальнейшее развитие событий им преподносится как борьба стран демократии на два фронта: с фашистской Германией и сталинским СССР. Именно с этой точки зрения даются оценки и расширению территории СССР, и войне с Финляндией. Долуцкий утверждает, что она открывала дорогу «к большой войне с западными державами». Однако неожиданное поражение финнов заставило Запад сменить тактику. Далее Долуцкий пишет: «Англия и Франция перенесли начало нападения на СССР на лето 1940 г. Их планы нарушил Гитлер». Тем самым, фашисты изображаются уже не просто как союзники, а как спасители сталинского режима [38, с. 221]. В свою очередь Сталин позволил обеспечить Гитлеру прочный тыл на Востоке, что помогло нацистам сосредоточить 136 из 140 дивизий на западном направлении и в короткий срок одержать победу на континенте [38, с. 219]. Наконец, Долуцкий последовательно проводит мысль, что Сталину война была нужна, так как именно война спасла сталинскую систему от поразившего её в 1938–1940 годах кризиса [38, с. 225]. Фактически все приведённые утверждения и умозаключения Долуцкого не соответствуют истине, лживы.

В дальнейшем нажим со стороны радикальной идеологии только усиливался. В конце 1980-х гг. адепты новой истории и нового учебника истории ещё вынуждены были смягчать свои выводы, прятать их. Теперь, в первой половине и середине 90-х гг. прошлого века, всё это словесное убранство

уходит в прошлое. Характерным в этом плане являлся, например, учебник В. П. Островского и А. И. Уткина для 11 класса. Подготовленный двумя авторами текст даже сложно считать учебником истории в собственном смысле этого слова. Это развёрнутый манифест исторического мышления ельцинского времени. Притом очень многие положения либеральной мифологии в этом издании были доведены до абсурда.

В частности в отечественной и зарубежной литературе уже несколько десятилетий идёт спор о том, можно ли считать предвоенное советское государство тоталитарным. Перед авторами учебника эта проблема не стоит. Они пишут не только о тоталитарном режиме, но и о тоталитарном обществе. Более того, они отмечают формирование в предвоенном СССР массовой «тоталитарной личности», способной исключительно на рабское подчинение верхам [39, с. 235–236]. Становится совершенно непонятно, как эта «тоталитарная личность» смогла породить ярчайшие примеры массового героизма, инициативы и творческого отношения делу на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны? Становится совершенно непонятно, как «привыкшие к рабскому подчинению люди» смогли защитить от коричневого рабства весь Мир?

О советской внешней политике перед войной в учебнике пишется, что она «не отличалась ясностью и последовательностью», а потому сводилась к лавированию между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией – с другой. Изложение действий советского руководства в это время порождает у школьников иллюзию, будто бы переговоры между СССР и странами Запада были свёрнуты по инициативе советской стороны, сделавшей свой окончательный выбор в пользу фашистского Рейха, который согласился признать далеко идущие имперские амбиции самого Сталина [39, с. 250]. Расширение советской территории при этом рассматривается как реализация условий «скреплённого кровью» сговора двух агрес-

соров. Такая постановка вопроса неизбежно подводит к ложному выводу об ответственности Советского Союза за развязывание Второй мировой войны.

В учебнике Уткина и Островского проводится уже знакомая нам со времён XX съезда мифологема, согласно которой советское руководство ошибочно оценило предвоенную ситуацию и поэтому оказалось не готово к отражению агрессии [39, с. 256]. Так же предвзято изображены в учебнике первые месяцы войны. Действия советских вооружённых сил оцениваются как панические и бессистемные, меры руководства – как недостаточные и запоздалые. Причём это относится не только к Сталину, но и ко всему высшему эшелону власти, что является уже очевидным преувеличением [39, с. 258–260].

Грубые искажения действительности авторы допускают при упоминании судеб заключённых в годы войны и деятельности войск НКВД. Островский и Уткин утверждают: «Узники ГУЛАГа рвались на фронт, но они по-прежнему содержались за колючей проволокой. На их охрану были отвлечены значительные силы НКВД, молодые, здоровые мужчины вместо фронта оказались в глубоком тылу, охраняя своих страдающих соотечественников» [39, с. 262–263]. Грубой ложью отличается в учебнике подача материала о сражении за Москву. Признав, что немцы всё же были разгромлены у стен столицы СССР, авторы поясняют, что операция «Тайфун» просто увязла в «снегах Подмосковья». При этом они ссылаются на оценки немецких генералов, полностью умалчивая советскую точку зрения, которую следовало привести хотя бы из приличия [39, с. 269].

Но верхом цинизма, наиболее ярко характеризующим учебник Уткина и Островского, следует признать включение авторами в текст, рассчитанный на усвоение подростками, чёрного мифа о готовности СССР пойти на сепаратный сговор с Гитлером уже после начала войны. Описывая охватившую верхи панику в период октябрьского наступления немцев на Москву, авторы пишут как о

чём-то доподлинно установленном: «Сталин отдал распоряжение Берии использовать каналы НКВД для установления связи с германским командованием с целью заключения сепаратного мира. Судьба страны, исход войны антигитлеровской коалиции с нацизмом повисли в воздухе» [39, с. 268]. По сути, в этих словах советское руководство вновь уравнивается с нацистской верхушкой. Звучит очевидное обвинение лидеров СССР в готовности нанести смертельный удар в спину мировому антифашистскому движению. Однако никаких распоряжений о поиске возможностей сепаратного мира Сталин не давал ни в указанный период, ни позже (в отличие от некоторых лидеров Англии и США). Перед нами пример грубой, ни на чём не основанной лжи. И это — в учебнике.

Свою роль в разрушении исторической памяти и национального самосознания в 90-е годы прошлого века сыграл массовый выпуск не только низкопробных отечественных, но и некоторых переводных учебников. Написанные западными авторами, эти издания заведомо не решали вопросов о патриотическом воспитании российской молодёжи. В этой связи, прежде всего, вспоминают французский учебник Николя Верта. В нём мы действительно видим внушительный набор мифов о II Мировой и Великой Отечественной войнах. В издании можно найти утверждения о решающей роли репрессий в снижении дееспособности армии, о неверии Сталина в неизбежность войны с Германией, о недостаточном внимании развитию военной техники. Подробно останавливается историк на состоянии Сталина в первые дни войны, по этому поводу он пишет: «Германское нашествие — в этом единодушны все свидетельства, — казалось, полностью лишило Сталина воли и дееспособности. Лишь через двенадцать дней, 3 июля, он оказался в состоянии выступить с обращением к народу» [40, с. 302].

Словом, так же как и большинство российских авторов рубежа 80–90-х гг. XX века, француз оказался полностью во власти чёр-

ной мифологии. Но теперь старые мифы преподносятся в новой упаковке, западным человеком, как бы со стороны, что делало все эти измышления «более весомыми». Учебник Верта, в силу падения авторитета отечественных историков и учебников истории, широко использовался учителями как в школах, так и на подготовительных курсах, даже в вузах. Но учебник Верта был не единственным имплантатом в отечественную систему образования.

В те годы издавались и другие подобные учебники зарубежных авторов. В частности после 11 переизданий в США и Великобритании в России издаётся «История Советского Союза» Джеффри Хоскинга, отличающаяся слабым профессионализмом и предвзятостью даже в сравнении с творением Н. Верта. Центральной идеей, под которую Хоскинг подвёрстывает изложение всей войны, является уже знакомое нам стремление расчленить единую историю на два потока, противопоставить народ и государство. Хоскинг пишет: «Советское руководство своей деятельностью лишь увеличивало страшное количество жертв», которые советский народ платил за свою победу [41, с. 269–270].

Свидетельством живучести нигилистических настроений может служить, например учебник для 10–11 классов Л. А. Кацвы, вышедший в 2002 году. Учебник Кацвы можно назвать энциклопедией чёрной мифологии, так внушительно она в ней представлена.

Разбор всех собранных в издании чёрных мифов, разрушающих национальное самосознание школьников, занял бы неоправданно много места, поэтому ограничимся лишь некоторыми. Начать, наверное, следует с того, что Кацва обвиняет в победе нацистов в Германии в 1933 г. персонально Сталина. Тем самым Кацва обвиняет советского руководителя в пособничестве нацистам, которых тот хотел использовать в качестве средства для строительства социалистической Германии [42, с. 397–398]. Кацва всячески противопоставляет курс Литвинова и Сталина во внешней политике, подчёркивая не только

антифашистские настроения бывшего главы советского внешнеполитического ведомства, но и его еврейские корни, как будто для советской элиты в предвоенные годы это обстоятельство имело решающее значение [42, с. 414].

Срыв переговоров между СССР и англо-французской делегацией в августе 1939 г., по мнению автора, произошёл из-за нежелания Сталина идти на встречу своим демократическим партнёрам и его переориентации на фашистскую Германию. Сами переговоры объявляются ширмой, которая понадобилась для тайного сговора с другим тоталитарным диктаторским режимом [42, с. 418]. Освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию (позволивший не допустить геноцид украинского и белорусского народов, а так же спасти десятки тысяч граждан еврейской национальности) Кацва безапелляционно квалифицирует как акт агрессии. В учебнике (!) содержится один из самых оскорбительных исторических мифов, согласно которому заключение 28 сентября 1939 года договора с Германией означало превращение СССР в союзника нацистов, что абсолютно противоречит фактам и здравому смыслу [42, с. 425].

Откровенным цинизмом звучит следующий пассаж Кацвы: «В настоящее время многие исследователи считают, что, если бы Гитлер не вторгся в СССР, Сталин раньше или позже сам напал бы на Германию, поскольку он, как и фюрер, преследовал имперские цели, правда, оправдывавшиеся не заботой о «жизненном пространстве», а стремлением к торжеству социализма во всём мире. К тому же отношения между двумя тоталитарными державами начали ухудшаться уже в 1940 г., после советской оккупации Буковины... Сотрудничество с Германией в разделе Европы, позволившее Сталину аннексировать чужие территории, не помогло ему повести войну так, как планировалось – «на чужой территории, малой кровью». Отказавшись от нелёгкого поиска союза с Западом, пойдя на сговор с

фашистским фюрером и позволив ему беспрепятственно захватить почти всю Европу, Сталин поставил и свою страну на грань гибели» [42, с. 447–448]. На этом фоне русофобские резолюции ПАСЕ уже не выглядят чем-то чудовищным – те же мысли внедряют некоторые российские учебники в головы новых поколений наших сограждан...

Тем самым перед нами обозначилась основная проблема преподавания истории Великой Отечественной войны. Государственным мужам, наконец, предстоит определиться, кого они предполагают видеть в качестве выпускников российских школ и вузов? То ли это будут люди, не обладающие ни исторической памятью, ни чувством гордости за свою историю, ни патриотизмом. То ли, всё же, это будут сознательные граждане, убеждённые патриоты, которые видят в истории своей Державы не сплошную череду трагедий и преступлений, а беспримерное величие совершенного предшествующими поколениями подвига.

Научное и педагогическое сообщество уже много сделало для нормализации учебников истории. Но сделать предстоит гораздо больше. Хватит ли российскому обществу и российским учёным сил и ответственности для этого? Мне верится, что очистительный импульс Русской весны станет гарантией от исторического беспамятства. Перемены к лучшему, пусть и не такие быстрые, как того хотелось бы, будут продолжаться. И не случайно сказано: «Божьи жернова мелют медленно, но муку дают превосходную».

А завершить сегодняшний разговор мне представляется важным следующим замечанием – теоретическим и сугубо практическим одновременно. К истории ошибочно относиться как к чему-то далёкому, ушедшему от нас навсегда. История – это один из ключевых сегментов современности. Поэтому фальсификаторы истории обязательно будут наказаны жизнью за свои преступления перед памятью обогнанных ими народов. Проиллюстрируем это утверждение конкретным примером.

Сегодня ведётся много дискуссий о легитимности провозглашения независимости Крыма и его последующего возвращения в состав Российской Федерации. Если брать изолированное Украинское законодательство, как делают противники России, то в нём нет права отдельного региона на самостоятельный референдум по вопросам самоопределения. Но право на самоопределение предусмотрено международным правом.

На это противники России возражают, дескать, такое право не должно приводить к распаду государств, которые уважают права входящих в него народов, соблюдают принцип равенства и не проводят политику дискриминации. А раз на Украине не было геноцида русских, то применительно к её регионам – в частности к Крыму – право на самоопределение должно было осуществляться внутригосударственным способом, без распада страны.

Упомянувшийся выше Зубов утверждает: «... геноцида в Крыму, пока он был в составе Украины, не было. Никто русских жителей Крыма не убивал, не выселял в непригодные для жизни места, не препятствовал сохранению семей и рождению детей ... отделение Крыма от Украины и присоединение к России нельзя объяснить геноцидом»[43].

Увы, это тоже ложь, подтасовка фактов. Обычно под геноцидом адвокаты неонацистов на Западе и в Российской Федерации готовы называть исключительно насильственные действия, приводящие к быстрому уничтожению больших масс людей. Но это лишь одна из форм геноцида – самая яркая и жестокая, но далеко не единственная.

Сохранение народа немислимо без сохранения его культуры, образа жизни, верований, представлений о добре и зле, святынь, наконец – исторической памяти. Поэтому под дискриминацией народа, ведущей к его полному уничтожению, как показывает известный специалист по международному праву В. А. Томсинов, «следует понимать не только геноцид, физическое истребление

народа, но и проводимую государственными властями политику искоренения всех перечисленных элементов духовной жизни народа» [44].

На протяжении всего периода существования т.н. независимого Украинского государства его власти проводили именно такой курс, который я определяю как латентный геноцид, или, если угодно, ползучий геноцид. Он был направлен не на одномоментную резню людей, сохранивших историческую память, а на постепенную, но неуклонную смену их культурной матрицы, к уничтожению их как особого культурно-исторического типа. А поскольку речь идёт о культурной матрице, составным элементом которой являлся антифашизм, то насаждение на Украине и в Крыму идеологии фашизма не могло не привести к тем последствиям, которые и произошли.

Разумеется, можно назвать и другие юридически безупречные основания самоопределения Крыма, основанные на международном праве. Но очень важно подчеркнуть, что, взявшись за переписывание истории Великой Отечественной войны, идейные последователи бандеры, шухевича, мельникова и коновальца в Киеве и Львове сами создали достаточное правовое основание для того чтобы легитимизировать любые шаги по отделению тех частей Украины, население которых не желало предавать свою подлинную историю.

АННОТАЦИЯ

История – важный фактор гражданского воспитания молодёжи. В наши дни в Литве, Латвии, Эстонии и странах СНГ противники мирного развития межгосударственного сотрудничества формируют негативный образ России. Используются технологии манипуляции сознанием, обращённые не только на сегодняшний день, но и в прошлое. Объектом особенно яростных атак в наши дни стала история Великой Отечественной войны. Политики стран Запада пытаются создать «новую» картину войны, исказить факты, чтобы «усовершенствовать» историю, при-

низить вклад СССР в победу над нацизмом. Происходящие процессы в идеологической сфере получили название «войн памяти». Ситуация требует ответа со стороны Российской Федерации на государственном уровне. Особенно важно защитить правду о Великой Победе 1945 года в год её 70-летнего юбилея. Важным инструментом «войн памяти» становится учебник истории. Статья посвящена состоянию исторического образования в современной Российской Федерации и его перспективам.

Ключевые слова: учебник истории, этноцентризм, чёрные исторические мифы, Великая Отечественная война, Россия, СССР, идеологическая война, патриотизм.

SUMMARY

History is an important factor in a civic education of young people. Today in Lithuania, Latvia, Estonia and CIS opponents of the peaceful development of interstate cooperation a negative image of Russia. Technology used manipulation of consciousness, converts not only today, but in the past. The object of violent attacks, especially in these days is the story of the Great Patriotic War. Policy of the Western countries are trying to create a «new» picture of the war, to distort the facts in order to «improve» the history, to belittle the contribution of the Soviet Union in the victory over Nazism. Processes taking place in the ideological sphere are called «memory wars». The situation requires a response from the Russian Federation at the state level. It is especially important to defend the truth of the Great Victory, 1945 in the year of its 70th anniversary. An important tool «memory wars» becomes a history book. The article is devoted to the historical formation of the modern Russian Federation and its prospects.

Key words: the history textbook, ethnocentrism, Black historical myths, the Great Patriotic War, Russia, the USSR, ideological war, patriotism.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейшая история Отечества. XX век: учебник для студентов вузов: в 2 т. / под ред. А. Ф. Киселёва, Э. М. Щагина. – М., 1998.

2. Медведев Р. А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. – М.: Новости, 1991. – Кн. 1. – 370 с.

3. Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власть 1953–1985 гг. – М.: Олма-пресс, 2006. – 448 с.

4. Емельянов Ю. В. Сталин перед судом пигмеев. – М.: Яуза, 2008. – 577 с.

5. Карпов В. В. Генералиссимус: Историко-док. изд.: в 2 кн.. – Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ.», 2002.

6. Невежин В. А. Сталин о войне. За столные речи 1933–1945 гг. – М.: Яуза, 2007. – 320 с.

7. Романенко К. К. Сталинский 1937-й. Лабиринты заговоров. – М.: Яуза, 2007. – 832 с.

8. Джадан И. Пятидневная война. Россия принуждает к миру. – М.: Европа, 2008. – 184 с.

9. Пыхалов И. В. Великая оболганная война. – М.: Яуза, 2012. – 765 с.

10. Козинкин О. Ю. Адвокаты Гитлера. Правда о войне, или Почему врут историки. М.: Фолио, 2013. 512 с.

11. Мартиросян А. Б. 200 мифов о Великой Отечественной. В 5-ти томах. – М.: Вече, 2009.

12. Помогайбо А. А. Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М.: Вече, 2002. 480 с.

13. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. – М.: Минувшее, 2005. – 80 с.

14. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 800 с.

15. Бордюгов Г. А. «Войны памяти». На постсоветском пространстве. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.

16. Пушкарёв Б. С. Две России XX века. 1917–1993. – М.: Посев, 2008. – 592 с.

17. История России. XX век: 1939–2007 / под ред. А. Б. Зубова. – М.: Астрель, 2009. – 848 с.

18. Ведомости. – 2014. – № 183 (3687).

19. Коммерсант власть. – 2009. – № 27.

20. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: сборник материалов / сост. В. А. Невежин; ред. Г. А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 1995. – 186 с.

21. Городецкий Г. Миф «Ледокола». – М.: Прогресс-Академия, 1995. – 352 с.
22. Кунгуров А. А. Секретных протоколов не было. Фальшивка, разрушившая СССР. – М.: Эксмо, 2011. – 628 с.
23. Емельянов Ю. В. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? – М.: Издатель Быстрое, 2007. – 576 с.
24. Мартиросян А. Б. Сговор диктаторов или мирная передышка? – М.: Вече, 2009. – 464 с.
25. Украденная победа: Беседа политического обозревателя Александра Афанасьева с ведущим сотрудником ИМЛ Геннадием Бордюговым // Комсомольская правда. 1990. – № 4. – С. 2.
26. Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.
27. Горбачевский Б. С. Победа вопреки Сталину. Фронтовик против сталинистов. М.: Яуза, 2010. 416 с.
28. Млечин Л. М. Один день без Сталина. Москва в октябре 41-го года. – М.: Центрполиграф, 2012. – 384 с.
29. Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война. – М.: Родник, 1994. – 399 с.
30. Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г. История родного края: учебник для общеобразовательных заведений 6–7 кл. – Тирасполь: ГИПК, 2004. – 223 с.
31. Чураков Д. О. Проблемы освещения истории Великой Отечественной войны в школьных учебниках // Актуальные проблемы развития мировой экономики в условиях экономического кризиса. – Химки, 2010.
32. Блейере Д. и др. История Латвии. XX век / пер. Ж. Эзит. – Рига: J.L.V., 2005. – 475 с.
33. Турченко Ф. Г., Панченко П. П., Тимченко С. М. Новейшая история Украины. Часть вторая. 1939–2001. – Киев: Генеза, 2003. – 383 с.
34. Турченко Ф. Г. Історія України. 11 клас. – Київ: Генеза, 2011. – 312 с.
35. Благодатских И. М. Великая Отечественная война в военно-историческом наследии Приднестровья: Материалы конференции «Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации». Москва, 8–9 апреля 2010 г. / под ред. д-ра ист. наук Т. С. Гузенковой, канд. полит. наук В. Н. Филяновой. – М.: РИСИ, 2010. – С. 275–284.
36. Бабилунга Н. В. Как преподают историю в школах современной Молдовы // Политическая фальсификация истории как барьер на пути демократического реформирования международных отношений на постсоветском пространстве. – Тирасполь, 2009.
37. Гукаленко О. В. Великая Отечественная война и проблемы воспитания исторической памяти у современной молодежи на постсоветском пространстве: Материалы конференции «Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации». Москва, 8–9 апреля 2010 г. / под ред. д-ра ист. наук Т. С. Гузенковой, канд. полит. наук В. Н. Филяновой. – М.: РИСИ, 2010. – С. 211–220.
38. Материалы к изучению истории СССР. IX класс (1921–1941 гг.) Методические рекомендации. – М., 1989. – 245 с.
39. Островский В. П., Уткин А. И. История России. XX век. 11 класс. – М.: Дрофа, 1995. – 512 с.
40. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. 2-е изд. – М.: ИНФРА-М: Весь мир, 1998. – 537 с.
41. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991. – М.: Вагриус, 1994. – 510 с.
42. Кацва Л. А. История России. Советский период. 1917–1941. – М.: Аст-пресс, 2002. – 442 с.
43. Ведомости – Зубов А.: Крым наш? [Электронный ресурс] URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/34155281/krym-nash?full#cut>.
44. Томсинов В. А. Украинский кризис и тайны современной геополитике. – М.: Вече, 2015. – 240 с.